

ИОСИФУ АБГАРОВИЧУ ОРБЕЛИ

Р. В. Кинжалов

Два бронзовых предмета из Мрена

История и культура древней Армении в период с III в. до н. э. по конец III в. н. э. известна нам, главным образом, лишь по письменным греческим и латинским (Страбон, Плиний, Плутарх, Кассий Дион и др.) и более поздним армянским (Фавст Бузанд, Моисей Хоренский и др.) источникам¹. Памятников материальной культуры, относящихся к этому периоду, в научном обиходе имеется крайне незначительное количество; публикации их (большинство которых, вдобавок, носит крайне сжатый и предварительный характер) буквально могут быть исчислены единицами. В первую очередь, из них следует назвать два тома отчетов археологической экспедиции в Гарни², охватывающие целый ряд найденных там памятников, а также краткое сообщение о предметах, обнаруженных при разведочных раскопках на месте древнего Вагаршапата (стеклянные сосуды, терракотта, керамика и др.)³. До сих пор не опубликованный полностью погребальный инвентарь трех случайно обнаруженных могил в Ашнаке (Талинский район) кратко перечислен в „Отчетах археологической комиссии“⁴. Остальные работы являются публикациями или упоминаниями о единичных случайных находках.

Подробнее изучен один из уникальных архитектурных памятников этого периода — храм в Гарни, которому был посвящен целый ряд работ⁵. Монетная чеканка армянских царей в период со II в. до н. э.

¹ Пока еще немногочисленные (22 надписи), найденные на территории исторической Армении эпиграфические источники этого периода, написанные на греческом, арамейском и латинском языках, собраны и снабжены подробным комментарием в книге чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер „Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.)“, изд. АН СССР, М.—Л., 1953, и в книге того же автора „Надпись о построении армянской крепости Гарни“, Ленинград, 1949. Об армянских надписях арамейским письмом см. работу И. М. Дьяконова и К. Б. Старковой „Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении“, ВДИ, 1955, № 2, стр. 161—174 и Г. Тирацян, Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении, ВДИ, 1959, № 1, стр. 83—90.

² „Гарни“, I, Б. Н. Аракелян, Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР 1949—1950 гг., Ереван, 1952; „Гарни“ II, Б. Н. Аракелян, Результаты раскопок 1951—1955 гг., Ереван, 1957.

³ „Раскопки древнего Вагаршапата“, Ереван, 1935 (на арм. яз.).

⁴ „Отчеты археологической комиссии“ 1909/10 гг., стр. 218, рис. 249.

⁵ См. историю вопроса и перечисление предыдущей литературы в работе К. В. Тревер „К вопросу об античном храме в Гарни“, „Советская археология“, № XI (1949), стр. 285—304 и первую часть ее „Очерки по истории культуры древней Армении“, стр. 21—95.

по IV в. н. э., кроме старой работы Бабелона, разбирается в ряде отдельных статей в различных нумизматических изданиях⁶. Публикации античных монетных находок рассматриваемого периода на территории Армении перечислены в работе А. Н. Зографа „Распространение находок античных монет на Кавказе“⁷.

Такое незначительное количество имеющегося в научном обиходе материала объясняется прежде всего тем, что до самого последнего времени поселения рассматриваемого периода были почти совершенно не затронуты систематическими археологическими раскопками; перечисленные выше памятники являются, главным образом, случайными находками. Можно надеяться, что когда будут полностью опубликованы и изучены богатые результаты археологической экспедиции в Гарни⁸, а также предметы, хранящиеся в Государственном историческом музее Армении, то историки и искусствоведы, занимающиеся этим периодом, получат, наконец, обильный и ценный археологический материал по истории и культуре древней Армении.

При просмотре упомянутых выше публикаций легко можно заметить, что в особенности незначительным количеством археологического материала мы обладаем для центральных областей исторической территории Армении. В частности, для территории Карсской области известные нам памятники практически сводятся к двум только вещам: опубликованный К. В. Тревер обломок бронзового канде-

⁶ E. Babelon, *Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène*, Paris, 1890, стр. 211—16, табл. XXIC, E. T. Newell, *Miscellanea numismatica*, New York, 1938, стр. 25—30, G. de Morgan, *Manuel de numismatique orientale dans l'antiquité et moyen-âge*, Paris, 1923 и др. Ср. А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М.—Л., 1951, стр. 69, табл. XIV, 14.

⁷ „Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа“, т. I, Ленинград, 1945 (№№ 11, 25, 68—9, 72, 74, 81—4, 87, 90—93, 97, 105, 107, 119, 134, 136—142, 146, 150, 152, 155, 157, 159, 196—7, 201—202, 205—205). К этому списку следует присоединить и данные из предварительной публикации монет III—I вв. до н. э. чеканенных в Армении, эллинистических государствах Малой Азии, державе Селевкидов, Парфии, республиканском Риме и финикийских городах, найденных весной 1945 г. близ г. Сисиана; см. статью А. Шахназаряна „Клад, обнаруженный возле села Сарнакунк, Сисианского района“ (на арм. яз.) в „Научных трудах Гос. исторического музея Армении“, т. II, 1949, стр. 7—35, а также монеты, найденные при раскопках Гарни, „Гарни I“, стр. 51, 55, табл. 31.

⁸ Об археологическом изучении Гарни, кроме отчетов экспедиции, см. работы Б. Н. Аракеяна: „Раскопки крепости Гарни“ — „Вестник АН СССР“, 1950, № 10, стр. 74—76; „Археологические открытия в Армении“ — „Вестник древней истории“, 1951, № 1, стр. 265—67; „Раскопки крепости Гарни (1949—1950 гг.)“ — там же, 1951, № 4, стр. 101—114; „Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении“, там же, 1953, № 3, стр. 151—158; „О новооткрытой мозаике в Гарни (предварительное сообщение)“, „Известия“ АН Армянской ССР, 1954, № 7, стр. 111—118; „Мозаика из Гарни“, „Вестник древней истории“, 1956, № 1, стр. 143—156; Г. А. Тиранян, *Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни*, Ленинград, 1956 (автореферат диссертации).

лябра из Нахчавана (быв. Кагызманский округ)⁹ и серебряная монета Домициана, найденная в 1895 г. на Зарушадском участке. Поэтому всякая расширяющая круг памятников этого района публикация представляется особенно желательной.

В настоящей работе делается попытка изучения двух бронзовых предметов, хранящихся в Отделе Советского Востока Государственного Эрмитажа (инв. №№ КЗ. 5709 и КЗ. 5710) и происходящих с территории Карсской области. Эти несомненно интересные памятники до сих пор оставались вне поля зрения исследователей из-за того, что были не опубликованы, если не считать краткого упоминания о них в каталоге III международного конгресса по иранскому искусству¹⁰. История этих вещей следующая.

В 1897 г. Археологической комиссией было получено из г. Карса письмо от сельского учителя Е. А. Амамчяна, в котором он предлагал комиссии приобрести у него древние вещи и монеты. После ответа комиссии, в котором ему предлагалось выслать вещи для экспертизы, Амамчян выслал три бронзовых предмета. В сопроводительном письме он указывал, что два предмета из них (рассматриваемые нами вещи) были найдены на территории развалин Мрена¹¹, около древнего Ани в Карсской области¹².

После целого ряда перипетий (высланная Амамчяном посылка по дороге была сломана, но вещи не были повреждены, шла долгая переписка между комиссией и Эрмитажем о высылке денег) в октябре 1898 г. вещи поступили в Эрмитаж¹³.

О назначении этих бронзовых предметов с достаточной ясностью говорит уже сама их форма; несомненно, что они являются двумя частями бронзовой обкладки деревянного подлокотника (*fulcrum*) ложа, о которых сохранились упоминания у античных авторов¹⁴. Нижняя часть обкладки в виде медальона (Гос. Эрмитаж,

⁹ «Известия Российской Академии истории материальной культуры», т. I, 1921, стр. 261—264. Датировка этого предмета урартским временем, как это предлагает С. F. Lehmann-Haupt («Armenien einst und jetzt», т. II, ч. 2, Berlin, 1931, стр. 561—64), опираясь на этрусские параллели, совершенно неубедительна.

¹⁰ «Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии», Государственный Эрмитаж, в. I, Ленинград, 1935, стр. 166—67, зал 223, хр. XIV, №№ 4—5.

¹¹ Об археологическом исследовании городища Мрен и о его архитектурных и эпиграфических памятниках более позднего периода см. материалы обследования А. Д. Ерицова — «Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета», Москва, 1882, стр. 331; «Отчеты археологической комиссии», 1892, стр. 77—83 и И. А. Орбели, Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII века, «Христианский Восток», 1913, т. II, в. I, стр. 152—138, табл. VIII.

¹² Третья вещь (место находки неизвестно) оказалась индустским образком, изображением богини Лакшми.

¹³ Дело Археологической комиссии № 240/1896, Архив ИИМК.

¹⁴ Бюсты на медальонах были известны под названием «*Genil fulcri*», см. Propert. IV, 8, 68 и Juvenal, Sat. VI, 21. О головах животных на подлокотниках ср. упоминание

инв. № КЗ. 5709, табл. 1) представляет собой погрудное рельефное изображение (высота — 8,7 см, наибольшая ширина — 6,9 см) крылатой женской фигуры в хитоне, закрепленном на левом плече около шеи; правое плечо, верх левого и часть груди остаются открытыми. За

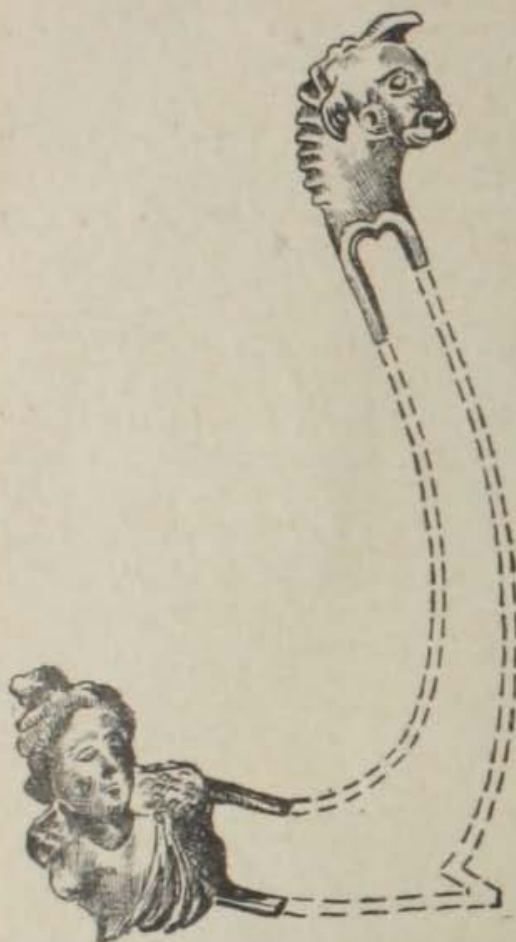

Рис. 1. Схематическая реконструкция бронзовой обкладки подлокотника Мренского ложа.

спиной видны верхние части небольших крыльев, перья на которых переданы врезанными маленькими дугами. Фигура несколько склонена вправо; голова с большим прямым носом и полуоткрытым ртом повернута к левому плечу и приподнята вверх. На голове фигуры — высокая прическа из ряда волнистых прядей, разделенная посредине прямым пробором; на макушке волосы связаны узлом в два высоких пучка, торчащих в разные стороны. Внутри фигура полая; от левого крыла и левой стороны груди и ниже отходят вправо две узкие (наибольшая длина — 5,9 см; ширина — 2,8 см) полосы с небольшим (1,1 см) отогнутым вниз краем на лицевой стороне, украшенным двумя врезанными продольными бороздками. Полосы эти служили для прикрепления медальона к деревянной части ложа. На спине фигуры полосы образуют дугу, в нижней части которой у края имеется небольшое отверстие квадратной формы для гвоздя или шпильки, прикреплявшего обкладку к дереву. Сохран-

ность обкладки в основном удовлетворительная, за исключением обломанных концов полос и небольших потертостей и царапин; на лице и нескольких деталях фигуры — пятна темно-зеленой патины.

Крылья, видимые за спиной женщины на обкладке, позволяют предположить, что на этом медальоне изображен один из персонажей античной мифологии: или богиня победы Ника или Психея. И тот и другой образ имели широкое распространение в изобразительном искусстве как эллинистического, так и римского времени. Ответить более точно, кто же именно из этих богинь изображен на эрми-

у Гигина (*Fabulae*, 274) и Ювенала (*Sat.* XI, 97). Более подробно этот вопрос разбирается в статье *Нейгебауера* „*Delische Betten*“, помещенной в „*Athenische Mitteilungen*“, т. LVII, 1932, в дополнительной заметке *А. Грауфенхагена* (там же, стр. 41—45), а также в „*Monuments Piot*“, XVII, Paris, 1909, стр. 46 и след.

тажной обкладке, не представляется возможным из-за отсутствия на нашем изображении каких-либо более подробно характеризующих их атрибутов. Кроме того, нет полной уверенности в том, что оба этих мифологических персонажа в силу столь характерных для позднеантичной религии синкретических тенденций не слились уже к этому времени в художественном сознании в какой-то единый образ. Возможно, наконец, что здесь перед нами какой-то тип поздней Артемиды-Гекаты¹⁶, что находит подтверждение и в изображении собаки на второй обкладке, так как собака была постоянной спутницей Гекаты.

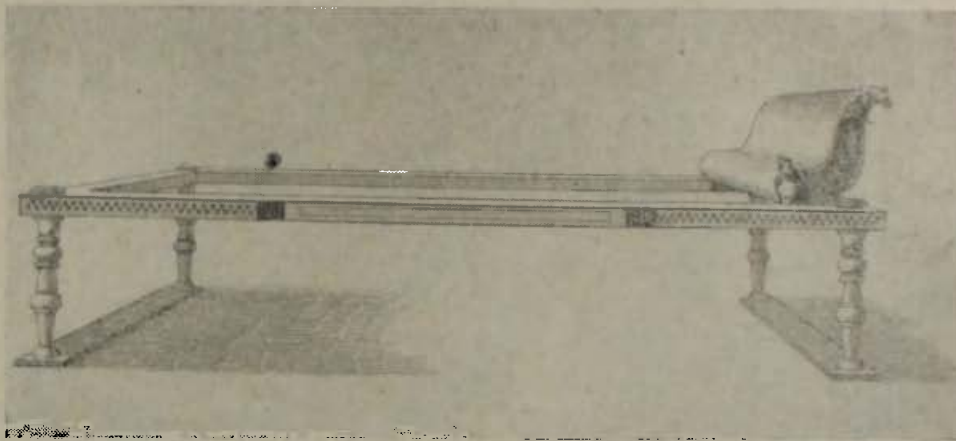

Рис. 2. Реконструкция общего вида мренского ложа.

Верхняя часть обкладки (Гос. Эрмитаж, инв. № КЗ. 5710, табл. II) изображает голову и шею собаки. Голова собаки, данная объемно, наклонена вбок и приподнята, небольшие лопухообразные уши насторожены, пасть полуоткрыта так, что виден язык, шея лугообразно изогнута и дана в рельефе. На шее и начале спины — густая грива волос, переданных большими рельефными прядями. Нижняя часть спины собаки обрезана полукругом; от нее отходят книзу две узкие (наибольшая длина — 3,8 см, ширина — 3,0 см) полосы, такие же, как на медальоне с крылатой женской фигурой. Внутри фигура полая. На обороте полосы образуют дугу, в левой стороне которой у края имеются два небольших отверстия, одно круглое, другое — ромбовидной формы. Поверхность потерта, имеются отдельные небольшие пятна темно-зеленой патины; концы полос обломаны. Положение обкладок на ложе видно из прилагаемых реконструкций (рис. 1 и 2).

Обе обкладки были отлиты по способу выплавленного воска, а затем некоторые детали их (глаза, крылья и прическа у женской фигуры; глаза, уши, грива и шерсть собаки) были дополнительно доработаны резцом. И та и другая вещь происходят от одного подлокотника, именно левого. На то, что обе обкладки являются частя-

¹⁶ W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, т. I, Leipzig, 1834—1890, стр. 511—573 и 1896—1897.

Табл. I, 1.

Табл. I, 2.

Табл. II, 1.

Табл. II, 2.

ми одного и того же предмета, указывает как и техника выделки вещи (способ обработки металла), так и чисто стилистические данные, выдающие руку одного и того же мастера (ср., например, характер перехода от объема к рельефу, манеру передачи волос и др.). Концы полос носят следы недавнего облома; это обстоятельство наводит на мысль, что подлокотник, возможно, был разломан на две части самим находчиком¹⁶. С целью изучения состава металла, мренские обкладки были подвергнуты спектральному анализу в Лаборатории археологи-

¹⁶ Для реконструкции положения обкладок на подлокотнике ложа ср. фотографию античного ложа, найденного в Приэне: Wiegand—Schrader Priene. Berlin, 1904, стр. 379, рис. 480. „American Journal of Archaeology“, т. 56, № 2 (1952), стр. 132, табл. 12 и прилагаемые рисунки.

ческой технологии ЛОИМК АН СССР. Результаты исследования могут быть выражены в следующей таблице¹⁷:

Cu	Pb	Sn	Ag	Sb	Fe	Ni	Bi	Zn
1	2	2	4	4	5	5	4	—

Условные обозначения: 1 — основа, 2 — очень много, 4 — мало, 5 — следы.

Бронзовые обкладки античных лож были обстоятельно исследованы А. Грайфенхагеном, который дал подробный список всех известных ему вещей этого рода¹⁸. Он разделяет подобные обкладки, по происхождению на три группы. К первой относятся обкладки, найденные на внеиталийской территории (Македония, острова Греческого архипелага, Малая Азия, Египет, Тунис и Испания), а ко второй — найденные в различных местностях Италии. Наконец, к третьей он относит обкладки из различных музеев, неизвестные по месту находки. Классифицируя по тематике и численности находок данные этого списка, можно получить следующие результаты, немаловажные для выяснения как вероятных мест производства подобных обкладок, так и значения изображений на них. По тематике и численности эти изображения могут быть вкратце суммированы следующим образом¹⁹: Дионис (4 н), Артемида (4 н), „Артемида-Геката“ (Эрмитаж, 1 н), Юнона

¹⁷ Анализ был произведен сотрудником лаборатории Д. В. Наумовым.

¹⁸ A. *Greifenhagen*, *Bronzekline im Pariser Kunsthandel*, „Römische Mitteilungen“, т. 45, 1930, стр. 139—165; табл. 39—51. К списку обкладок, приведенных автором, следует присоединить оставшиеся ему неизвестными эрмитажные, ряд обкладок, найденных в Швейцарии, см. M. *Deonna*, *L'Art romain en Suisse*, Geneve, 1942, №№ 39—41; 44, 91—93, а также обкладку с головой утки, найденную в Волюбилисе, см. Ch. *Picard* в „Revue Archéologique“, ser. 6, т. XXVI, 1947, стр. 203 и след; *Thouvenot*, *Mélanges Picard*, т. II, 1949, стр. 1000 и след. В списке Грайфенхагена приводятся также другие сохранившиеся части от лож, как, например, ножки, части рам и др. (№№ 5, 35, 48, 50, 51), которые в данном случае нас не интересуют.

¹⁹ Список составлен по данным, приведенным у Грайфенхагена, с добавлением оставшихся ему неизвестными вещей; цифры в скобках указывают число подобных изображений в списке. Буквами „в“ и „н“ обозначаются последовательно верхняя и нижняя часть обкладки подлокотника ложа. В данный список не включены несколько единичных экземпляров полностью литых подлокотников с рельефным изображением целых сцен. Нам известны лишь пять таких подлокотников: 1) Афродита и эроты (найдена в Фанагории) — „Отчеты археологической комиссии“, 1880, стр. 93—4, табл. 4, 10; 2) лежащий Полифем, подносящий ему вино Одиссей и горная нимфа — *Greifenhagen*, ук. соч., табл. 43в; 3) Дионис и сатир — *Koeppen-Breurer*, *Geschichte des Mobels*, т. I, стр. 198, рис. 284; 4) Ариадна, сатир и пантера (из Ионии) — „Jahrbuch d. deutschen Archäologischen Instituts“, т. 34, 1919, стр. 129, рис. 27; *Neugebauer*, *Griechische Bronzen*, стр. 18, рис. 32; 5) Афродита на ложе — *Greifenhagen*, ук. соч., табл. 43а.

(1 н), эроты (14 н, 1 в)²⁰, силен (6 н), вакханка (3 н), мул или осел²¹ (43 в), лебедь или утка (22 в), лошадь (11 в), лев (5 в), собака (5 в), пантера (2 в), слон (1 в), горгонейон (3 н), розетка (3 н).

Анализируя этот перечень, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, тематика изображений на верхних и нижних частях обкладки никогда не смешивается; только в одном случае головка эрота помещена наверху; обычно же изображения, помещаемые на верхней части обкладки, никогда не появляются внизу и наоборот. Нижней частью обкладки, как правило, является бюст какого-либо мифологического персонажа. Только в трех случаях мы имеем внизу розетки. Верхней частью обкладки обычно является протома животного или птицы.

Во-вторых, среди изображений явно выделяются три большие группы: первая, связанная с культом Диониса (силен, вакханка, пантера, лев²², слон, мул²³, вторая — с культом Артемиды, как богини-охотницы и (в позднем осмыслении) владычицы подземного царства (собака, лошадь)²⁴ и, наконец, третья, связанная с культовым кругом Афродиты (эроты)²⁵. Помимо этих трех групп, на некоторых обкладках имеются изображения, имевшие, по всей видимости, чисто декоративное назначение: головы лебедей или уток, горгонейон, розетка. Представляется возможным предположение, что тематика медальонов могла быть связана с определенным применением ложа, например ложа с изображениями дионисического круга могла предназначаться для меблировок пиршественного зала, с изображением Афродиты и эротов, как брачные ложа, и т. д.

Из этих групп выделяются мренская женская крылатая фигура, а также обкладка с изображением головы Юноны²⁶ (по определению

²⁰ Обычно эти крылатые детские бюсты понимались как изображения эротов. В последнее время, однако, Д. Кент Хилл предложила толковать их как изображения вакхов — юных служителей Диониса. *Dorothy Kent Hill, A bronze couch*, „The Journal of the Walters Art Gallery. Special technical issue volumes XV—XVI, 1952—1953“, Baltimore, 1954, стр. 56—57. О вакхах, как мифологических персонажах, см. *Ch. Picard* в „L'Antiquité Classique“, т. XX, 1951, стр. 365 и след. и „Revue des Études Latines“, т. XXVIII, 1950, стр. 78 и след.

²¹ Ср. *Studies in ancient furniture. C. L. Ransom, Couches and beds of the Greeks, Etruscans and Romans*, Chicago, 1905, стр. 83, прим. 8.

²² Ср., например, многочисленные изображения и описания процессий Диониса, а также его индийского похода.

²³ Характерно, что в большинстве случаев мул, связанный с Дионисом уже по линии плодородия (*W. Roscher, Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie*, Leipzig, 1884—90, т. I, стр. 1095), изображается на обкладках увенчанным плющем, имевшим, как известно, широкое распространение в культе Диониса. Ср. изображение Диониса и Ариадны, едущих на муле, на краснофигурном кратере V в. (*О. Вальдгауер, Эрмитаж, краткое описание собрания античных расписных ваз*, изд. 2, № 1117, стр. 98).

²⁴ „*Römische Mitteilungen*“, т. 45 (1930), стр. 35—36.

²⁵ Ср. примечание 20.

²⁶ *W. Deonча*, ук. соч., № 44.

Деонна, что впрочем далеко не бесспорно), найденная в Швейцарии. Так как в последней явно чувствуются элементы не римского, местного стиля, то весьма вероятно, что и та и другая вещь в действительности отражают какие-то местные мифологические образы.

Анализируя этот же список по местам находок, нельзя не обратить внимание на то, что в то время как обкладки с изображениями Диониса и персонажей его круга чаще всего встречаются на территории Италии или связанных с нею местностях, изображения Артемиды, собаки и лошади характерны для обкладок лож, связанных с восточными провинциями Римского государства. Естественно, что при выяснении вопроса о месте изготовления эрмитажных обкладок прежде всего возникает мысль об эллинистических городах Закавказья и Малой Азии уже по самой территориальной близости этих культурных центров от места находки, хотя, конечно, предположение о том, что наши обкладки являются следствием торговых отношений между Арменией и Римом, не может быть также отринуто полностью.

Применение металлических обкладок или даже целых частей из металла для мебели было широко распространено на Востоке с давних времен; достаточно, например, вспомнить сообщения Геродота о золотом столе и ложе, находившихся в целле храма Бела в Вавилоне²⁷, или те бронзовые части ассирийской мебели, которые хранятся в Британском музее²⁸. В последующее за завоеваниями Александра Македонского время обычай украшать мебель, в частности ложа, получает еще более широкое распространение. Так, например, на одном из празднеств, устроенных Птоломеем II Филадельфом, фигурировали „сто золотых лож“²⁹. Для стран Закавказья подобный прием украшения мебели засвидетельствован издавна, что может являться косвенным доказательством предположения об изготовлении рассматриваемых обкладок в самом Закавказье, ввиду наличия многовековой художественной традиции. Материалы археологических раскопок и данные клинописных источников позволяют с полной уверенностью говорить о том, что в художественном ремесле урартов широко применялся способ украшения деревянных лож и различного вида сидений посредством обкладок и инкрустаций из золота, серебра

²⁷ Нег. I, 181. Несомненно, что в данном, как и в других (см. ниже) случаях, слово „золотой“ в применении к мебели указывает только на чрезвычайно богатое использование данного металла в ее украшениях; молчание относительно дерева, как основного материала, ни в коем случае не может быть истолковано как доказательство его отсутствия.

²⁸ К. Ф. Леман Гаупт, воспроизводя эти бронзовые части мебели в своей книге „Армения прежде и теперь“ (т. II, стр. 484—487, 509, 534), определяет их как произведения урартских мастеров и считает их происходящими из Вана. В действительности же эти вещи были найдены в Нимруде и являются произведениями ассирийского прикладного искусства. Следуя Леман Гаупту, неверно называет их урартскими и Б. Майсснер, *Babylonien und Assyrien*, Heidelberg, 1920, т. I, рис. 118, стр. 248. Этими указаниями мы обязаны Б. Б. Пиотровскому.

²⁹ Athen. V, 197 a, b. Ср. Bion I, 67.

и бронзы. Достаточно вспомнить о тех великолепных бронзовых обкладках урартских тронов, находившихся в храме или дворце, которые хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже и собраниях других музеев³⁰. В известном письме Саргона II богу Ашшуру с описанием ассирийского похода против Урарту в 714 г. до н. э., в том месте, где перечисляется захваченная в Мусасире добыча, упоминается: „одна кровать слоновой кости — ложе серебряное, для отдыха его божественности, — выложенная камнями и золотом, ... десять буксовых столов, буксовых *maḥḥiṣu*³¹, кресел черного дерева и буксовых с золотой и серебряной оправой“³².

И в позднейшую эпоху истории Закавказья мы встречаемся с упоминаниями о подобной технике украшения мебели. Ксенофонт, описывая добычу, захваченную греками в палатке сатрапа Западной Армении Тирибаза, упоминает о ложе с серебряными ножками³³. Во время похода в Закавказье Помпей Магн получил в подарок от иберийского царя ложе, стол и трон, — „все из золота“³⁴, а от царя Албании — золотое ложе³⁵. В археологических находках этого периода также встречаются части металлических обкладок мебели. Так, в составе инвентаря Борийского некрополя имеется шесть серебряных обкладок деревянных ножек (в одной из обкладок сохранился деревянный вкладыш), вероятно от погребальных лож³⁶. Подобные же вещи были найдены и при других археологических раскопках на территории Грузии (Армазисхеви, Мцхета)³⁷.

К сожалению, ни эти найденные на территории Закавказья металлические обкладки мебели, ни сведения о них (правда, весьма скудные) в письменных источниках не могут являться аналогией к рассматриваемым нами частям ложа из Мрена. Поэтому естественнее всего было бы обратиться к аналогичным материалам из эллини-

³⁰ Б. Б. Пиотровский, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, „Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа“, т. I, стр. 45—60, Л., 1933; он же — „История и культура Урарту“, Ереван, 1944, стр. 219—224. При раскопках урартской крепости Кармир-блур в одном из помещений также были обнаружены бронзовые обкладки — части мебели. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, 1 (работы 1933—1949 гг.), Ереван, 1950, стр. 53, рис. 31. Ср. бронзовую обкладку, найденную в сел. Заким, Карсской обл. — „Отчет Археологической комиссии за 1904 г.“, стр. 131.

³¹ По любезному сообщению И. М. Дьяконова какой-то вид домашней утвари; точное значение слова не установлено.

³² И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, „Вестник древней истории“, 1951, № 2, стр. 352.

³³ Хер. Анаб. IV 4, 21.

³⁴ Plut. Pomp. XXXVI, 4.

³⁵ L. Flor. Epitome, III, 5, 28.

³⁶ „Отчеты археологической комиссии за 1909—1910 гг.“, стр. 216; Е. М. Придик, Новые кавказские клады, „Материалы по археологии России“, № 34, 1914, стр. 101, табл. IV, 2, 3, 4, 5, 6; табл. V.

³⁷ Г. А. Ломтатидзе, Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета, изд. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1955, стр. 71, 74, 78, 89, табл. XIV.

стических городов Малой Азии, с которыми страны Закавказья в этот период находились в оживленной культурной связи³⁸.

О малоазийском производстве лож античные источники сохранили нам ряд свидетельств, может быть, правда, довольно отрывочных и малозначительных, но все же позволяющих прежде всего с уверенностью утверждать о существовании такого производства.

Изготовление лож с металлическими обкладками, в частности с обкладками из драгоценных металлов, засвидетельствовано для Малой Азии уже со второй половины V в. до н. э. Геродот (IX, 80—82) сообщает о ложах с обкладками из золота и серебра (*κλίνας ἐπίχρυσαι καὶ ἐπαργυροί*) из добычи в битве при Платеях. Из сообщения Крития, сохраненного у Атенея³⁹, известно, что в V в. до н. э. наиболее знаменитыми в греческом мире были ложа, изготовлявшиеся в мастерских Хиоса и Милета. Так, к храмовому инвентарю Парфенона принадлежат тщательно хранимые *κλίνας χιουργεῖς καὶ Μιλησιουργεῖς*⁴⁰. В доме Алкивиада имелось несколько милетских лож⁴¹. И в последующее время ложа, изготовленные в городах Малой Азии, пользовались не меньшей известностью. По крайней мере, Ливий совершенно определенно связывает появление в римском быту лож с бронзовыми украшениями с возвращением легионов после „азиатских войн“⁴².

Если мы обратимся к рассмотрению обкладок, найденных на территории Малой Азии, то увидим, что они относятся к более позднему периоду — эллинистическому или ко времени, когда Малая Азия была римской провинцией. К сожалению, однако, число их слишком незначительно (шесть вещей)⁴³, чтобы при анализе их возможно было бы получить какие-либо определенные результаты. Однако некоторые характерные черты в какой-то мере проследить все же удастся. Стилистически, например, изображения Артемиды и Силены выявляют черты, унаследованные от пергамской школы: сильный поворот головы, несколько изогнутое положение верхней части тела и др. Из-

³⁸ К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни. „Советская археология“, т. XI, 1949, стр. 292—296.

³⁹ Critias, fragm. I, стр. 5, стр. 31 ed. Bach.—Athen. I, 28 в, ср. fragm. 28, стр. 95—Athen. XI, 486 е.

⁴⁰ Среди поступлений в сокровищницу в 434—3 г упомянуто восемь хиосских и десять милетских лож (*κλίνας ποδῶς ἐπαργυροί*), какое число продолжит значиться в последующих списках до архоната Эвклида (403 г. до н. э.), когда хиосские ложа исчезают, а число милетских возрастает до шестнадцати. После 385—4 г. число их сокращается снова до десяти. Ransom, ук. соч., стр. 51, 3.

⁴¹ IG. I, 160, 165, 166. SIG I³, 102.

⁴² Liv. XXXIX, 6, 7.

⁴³ Мул в, С. Ransom, ук. соч., табл. 15 В (Малая Азия, точное место находки неизвестно); 2) лошадь в, Wiegand-Schrader, Priene, Berlin, 1901, стр. 378 слл (Приэна); 3) ножки и части рамы ложа, Wiegand-Schrader, ук. соч., стр. 332—3 (Приэна); 4) Артемида и, Wiegand-Schrader, ук. соч., стр. 33, рис. 482 (Приэна); 5) два мула в, G. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes of Metropolitan Museum, New York, 1915, №№ 133, 134 (Малая Азия, точное место находки неизвестно); 6) Силен и, A. Greifenhagen, ук. соч., стр. 153—160, табл. 39, 40 а (Хардересс).

вестно, что во II в. н. э. даже в римском искусстве начинает явно чувствоваться влияние искусства эллинистического Востока, в частности отзвуки воскресшего увлечения пергамской школой. Естественно, что на территории Малой Азии традиции этой школы были наиболее устойчивы и сохранялись особенно долгое время. Характерной чертой малоазийских обкладок является также и более легкий, грациозный изгиб полос для прикрепления к дереву ложа, в то время как у римских обкладок этот изгиб более плосок и тяжел.

Все эти черты, намеченные выше для малоазийских обкладок, в равной степени характерны и для рассмотренных нами эрмитажных обкладок. К сожалению, тематика изображений на наших обкладках не совпадает с малоазийскими и не дает возможности для более глубоких выводов. Прическа эрмитажной женской фигуры также подкрепляет предположение о связи мастера, создавшего обкладку, с пережиточными традициями эллинистического искусства⁴⁴ и, одновременно, дает возможность для датировки -- II в. н. э.⁴⁵ На это же время, по нашему мнению, указывает и характерное изображение одежды, как бы небрежно наброшенной на одно плечо и оставляющей другое плечо и часть груди открытыми.

Обращает на себя внимание одна любопытная деталь, может быть указывающая на местное изготовление наших обкладок⁴⁶. Черты лица богини на нижнем медальоне переданы довольно суммарно и как бы ступшеваны, в то время как остальная часть фигуры обработана значительно более тщательно и с большим вниманием к деталям. Это кажущееся сперва несколько странным обстоятельство может быть объяснено, однако, определенной местной художественной традицией, согласно которой лицо всегда передавалось менее детально, чем другие части изображения. В сущности, подобное же явление мы имеем и в скульптуре раннесредневековой Армении, где изобра-

⁴⁴ Подобную же прическу см., например, на мраморной статуе девушки в Палаццо Консерватори в Риме (*J. D. Beazley and B. Ashmole, Greek Sculpture and Painting, Cambridge, 1932, рис. 151, 156*) на барельефах с изображениями Ники и Леды из так наз. Инкантады в Салониках (*S. Reinach, Répertoire de Reliefs Grecs et Romains, т. I, 395*), на ватиканском рельефе с изображением Дианы и трех нимф (*Museum Pio Clem. 7.10, Baumeister, Denkmaler, 1033*), наконец, на архитраве храма Артемиды в Перге (Малая Азия, Памфилия) где изображена голова богини с такой же прической (*Ch. Lankoronski, C. Niemann et E. Petersen, Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie, т. I, стр. 40, рис. 27, 50, Paris, 1890*) и рельефе из Кизика с изображением Артемиды-Гекаты (*Perrot et Guillaume, Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie, Paris, 1872, табл. 4*).

⁴⁵ *Ch. Daremberg et Ed. Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Paris, 1888, т. I, стр. 1369.*

⁴⁶ Заслуживает быть отмеченным в этом отношении факт значительного различия в составе металла между мренскими обкладками и обкладками ложа италийского происхождения, хранящемся в одном из американских музеев. Химический анализ этого римского памятника см. в статье *E. Packard, The cleaning of the bronze couch, в "The Journal of the Walters Art Gallery. Special technical issue", vol. XV—XVI, 1952—1953, Baltimore, 1954, стр. 62.*

жения человеческих фигур (кстати, довольно редкие) всегда обработаны значительно более суммарно, чем растительный орнамент⁴⁷.

Изображение собаки на эрмитажной обкладке настолько реалистично и характерно, что представляется возможность определить ее породу: это меделян, часто применявшийся при охоте на крупных животных, особенно на медведей и кабанов⁴⁸. Собаки этой породы имели широкое распространение на территории Малой Азии; для Северного Кавказа они не характерны⁴⁹.

Одной из важных задач, встающих перед исследователем найденных в Закавказье памятников материальной культуры рассматриваемого периода, является выяснение вопроса: имеем ли мы в данной вещи продукт местного производства или же она была создана в античных центрах вне Закавказья и попала туда в силу тех или иных обстоятельств лишь впоследствии. Решение этого вопроса в каждом отдельном случае, даже когда исследуются лишь только отдельные памятники, в какой-то мере приближает нас к решению основной задачи: путем выделения и анализа черт местного производства и изучения его особенностей дать характеристику культуры и искусства народов Закавказья этого периода. В данном случае, как кажется, у нас есть возможность предполагать, что бронзовая обкладка мренского ложа была создана во второй половине II в. н. э. мастером, жившим в одном из городов Малой Азии, находившемся, быть может, на территории исторической Армении.

⁴⁷ Б. Н. Аракелян, Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков, изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1949, стр. 116, 119. К этому интересному явлению в армянском искусстве первых веков н. э. мы намерены, если представится возможность, вернуться в другой работе.

⁴⁸ Определением породы собаки, изображенной на эрмитажной обкладке, и справкой о меделянах мы обязаны любезности ст. научн. сотрудника Зоологического института АН СССР Н. К. Верещагина.

⁴⁹ Следует отметить, что очень близкие к эрмитажной обкладке изображения собак подобной же породы имеются на одном из рельефов Пергамского алтаря, где в сценах гигантомахии собаки Гекаты помогают богам в борьбе против гигантов. См. *Altertümer von Pergamon. Band III, 2. Die Frieze des grossen Altars. Berlin, 1910, VII, VIII, XXX.*